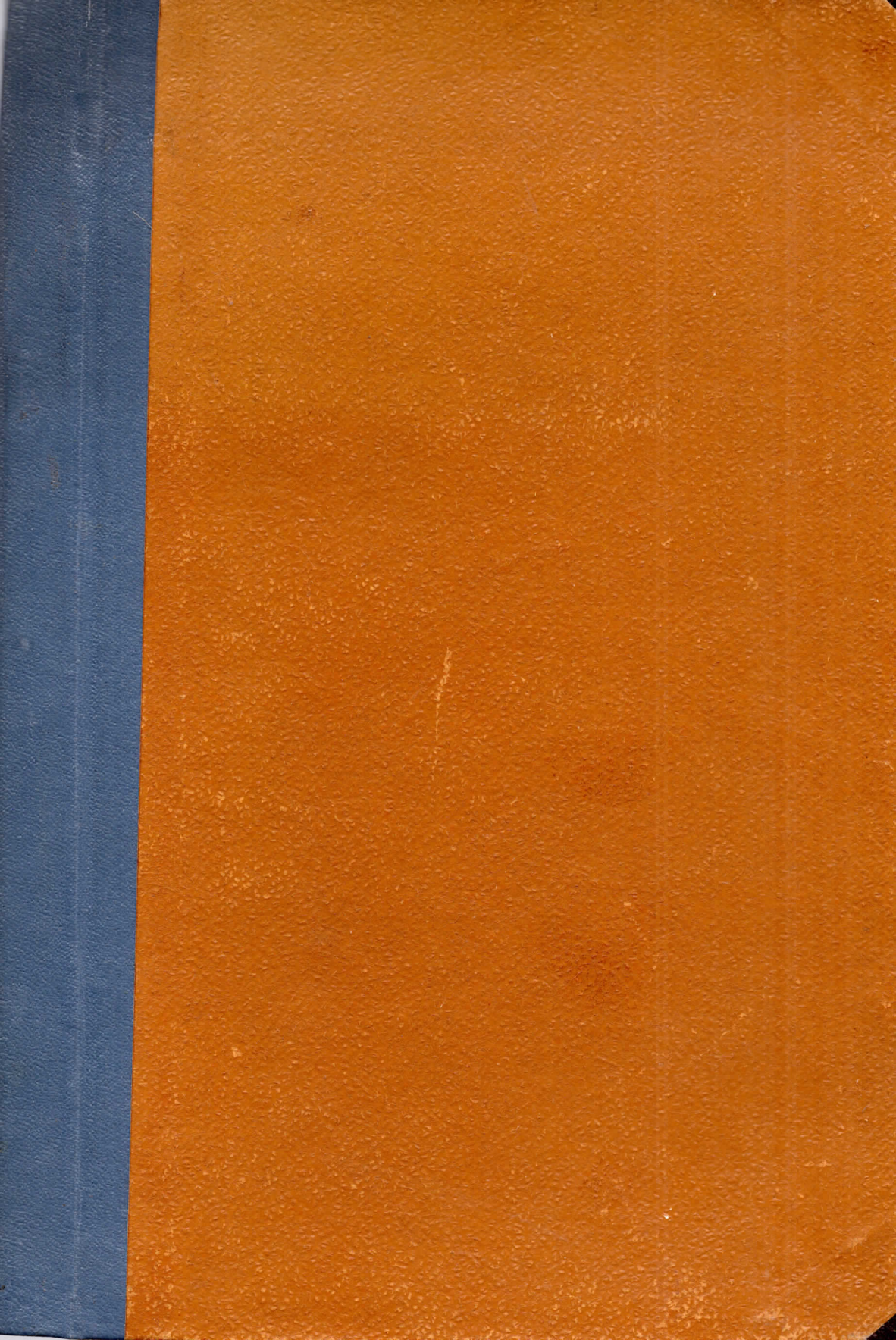
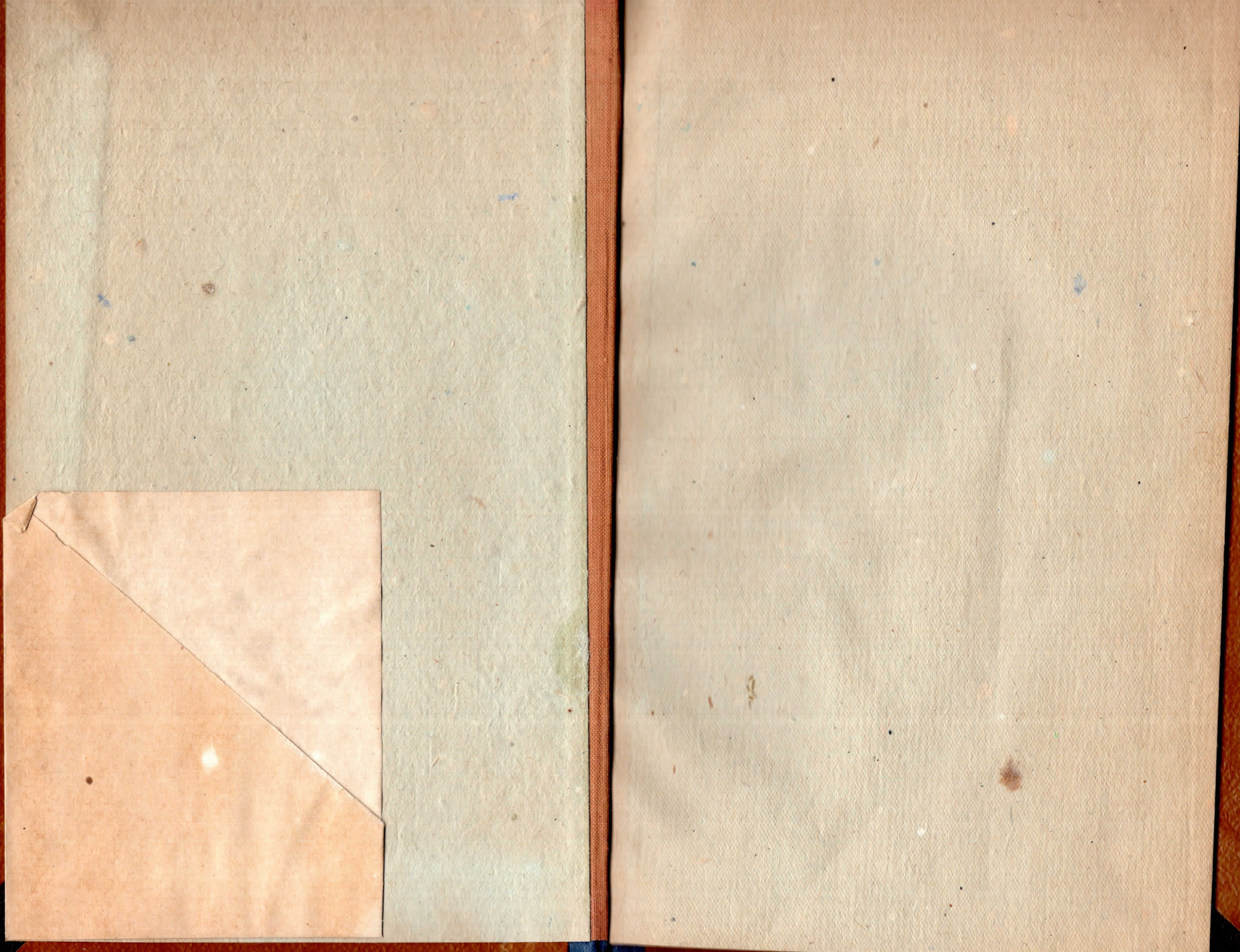

П. 9254(3)
1912
Дан. Погодинов
№

Философск'е взгляды А. И. Герцена.

(Къ столѣтію со дня его рожденія).

Всякій знаетъ теперь, что А. И. Герценъ былъ человѣкомъ очень широко образованнымъ, и что въ кругъ его умственныхъ интересовъ входила, между прочимъ, и философія. Но до сихъ поръ остается невыясненнымъ, какъ именно развивались его философскіе взгляды и въ какомъ направленіи совершалось ихъ развитіе. Я полагаю, что полезно сдѣлать это. Попробую.

I.

Въ годы юности А. И. Герценъ не занимался философіей: его больше привлекала къ себѣ политика. Но, вернувшись въ Москву изъ своей первой ссылки, онъ убѣдился, что ему необходимо составить себѣ основательный запасъ философскихъ знаній. Это было то—въ теоретическомъ отношеніи чрезвычайно замѣчательное—время, когда В. Г. Бѣлинскій и его ближайшіе единомышленники проповѣдывали примиреніе съ тогдашнею «россійскою дѣйствительностью» на томъ основаніи, что «все дѣйствительно разумно»¹⁾. Въ своемъ качествѣ «политика» Герценъ не могъ не возстать противъ такого вывода, «и отчаянный бой закипѣлъ между нами», говоритъ онъ въ «Быломъ и Думахъ». Но его политическіе доводы не производили никакого впечатлѣнія на противниковъ, обѣими ногами стоявшихъ на почвѣ гегелевой философіи. Поэтому онъ и нашелъ нужнымъ запастись философскимъ оружіемъ.

«Середъ этой междоусобицы,—продолжаетъ онъ,—я увидѣлъ необходимость *ex ipso fonte bibere* и серьезно занялся Гегелемъ. Я думаю даже, что человѣкъ, не пережившій феноменологіи гегеля и противорѣчій общественной экономіи Прудона, не пере

¹⁾ О значеніи этой эпохи въ исторіи развитія взглядовъ Г. см. въ моей статьѣ: «Бѣлинскій и разумная дѣйствительность». «За двадцать лѣтъ».

Дан. Погодинов

шій черезъ этотъ горнь и этотъ закалъ,—не полонъ, не совершенъ».

Замѣтите, что здѣсь у него Прудонъ поставленъ на одну доску съ Гегелемъ. Это какъ нельзя болѣе характерно для его философскихъ взглядовъ. Можно сказать, не боясь упрека въ преувеличеніи, что этимъ сопоставленіемъ указывается тотъ предѣлъ, дальше котораго не пошелъ нашъ въ высшей степени даровитый и чрезвычайно блестящій авторъ въ пониманіи Гегеля. Даже больше. Мы имѣемъ право прибавить, что, если бы Герцену удалось перейти этотъ предѣлъ, то ему, вѣроятно, не пришлось бы переживать ту тяжелую душевную драму, которая даетъ себя чувствовать на каждой страницѣ его знаменитой книги «Съ того берега». Но чтобы такіа утвержденія не показались читателю голословными, слѣдуетъ внимательно подвести итогъ всему тому, что написано Герценъ у Гегеля и что онъ заимствовалъ у него.

Обратимся къ его дневнику. Здѣсь мы встрѣчаемъ, напримѣръ, такіа мѣста: «Читалъ гегелеву философію природы (*«Encyclopedie», I Th.*). Вездѣ гигантъ, многое едва набросано, очеркнуто, но ширина и объемъ колоссальны (т.-е., должно быть, колоссальны? Г. П.). Какой огромный шагъ въ освобожденіи отъ абстрактныхъ силъ, въ введеніи въ свои рамы категоріи, величины которой подавляли все земное, и какой перевѣсъ качеству, конкрети. Онъ освобождаетъ въ полномъ развитіи человѣка отъ его матеріальнаго опредѣленія, отъ его теллурической жизни адекватностью его формы понятію (чѣмъ бѣднѣе его развитіе, тѣмъ болѣе онъ зависитъ отъ природы). Духъ вѣченъ, матерія всегдашняя форма его инобытія. Лишь только форма способна, лишь только она можетъ выразить духъ, она и выражаетъ его» ¹⁾.

Или: «Нѣтъ ничего смѣшнѣе, что до сихъ поръ нѣмцы, а за ними и всякая всячина считаютъ Гегеля сухимъ логикомъ, костью діалектикомъ въ родѣ Вольфа ²⁾, въ то время, какъ каждое изъ его сочиненій проникнуто мощной поэзіей, въ то время, какъ онъ, увлекаемый (часто противъ воли) своимъ гениемъ, облекаетъ спекулятивнѣйшія мысли въ образы поразительности, мѣткости удивительной. И что за сила раскрытія всякой оболочки мыслью, что за молниеносный взглядъ, который всюду проникаетъ и все видитъ, куда ни обернулъ бы взоръ» ³⁾.

Такиа мѣста показываютъ, во-первыхъ, что Герценъ былъ какъ разъ болѣе далекъ отъ того пренебрежительнаго отношенія къ

Гегелю, которымъ грѣшили у насъ въ послѣдствіи многіе и многіе болѣе или менѣе свободомыслящіе люди. Но эта сторона дѣла намъ, пожалуй, достаточно извѣстна уже по сдѣланной выше выпискѣ изъ «Былого и Думъ». Полезнѣе будетъ остановиться на другой его сторонѣ, т.-е. на изложеніи Герценомъ основной теоремы гегелевой философіи: «Духъ вѣченъ, матерія всегдашняя форма его инобытія». Герценъ ничѣмъ не выражаетъ своего критическаго отношенія къ этой теоремѣ, а онъ нисколько не стѣснялся критиковать даже и «гиганта» Гегеля, когда бывалъ съ нимъ не согласенъ. Что же это показываетъ? То, что еще въ апрѣлѣ 1844 г. ¹⁾, Герценъ самъ стоялъ на точкѣ зрѣнія гегелева идеализма или, по крайней мѣрѣ, еще не формулировалъ даже для самого себя своихъ сомнѣній въ немъ. На такое же заключеніе толкаютъ насъ и слѣдующія его строки, находящіеся очень близко отъ тѣхъ, которыя насъ теперь интересуютъ.

«Конечно, Гегель въ отношеніи естествовѣдѣнія далъ болѣе огромную раму, нежели выполнилъ, но *coup de grâces* естественнымъ наукамъ въ ихъ настоящемъ положеніи окончательно нанесенъ. Признаютъ ли ученые это или нѣтъ, все равно, тупое *Vornehmthumerei des Ignoriren* ничего не значить. Гегель ясно развилъ требованіе естественной науки и ясно показалъ всю жалкую путаницу физики и химіи, не отрицая, разумѣется, частныхъ заслугъ. Имъ сдѣланъ первый опытъ понять жизнь природы въ ея діалектическомъ развитіи отъ вещества самоопредѣляющагося, въ планетномъ отношеніи, до индивидуализаціи въ извѣстномъ тѣлѣ, до субъективности, не вводя никакой агенціи, кромѣ логическаго движенія понятія. Шеллингъ предупредилъ его, но Шеллингъ не удовлетворилъ наукообразности» ²⁾.

То обстоятельство, что Гегель пытался объяснить діалектическое развитіе жизни природы, не прибѣгая къ другой «агенціи», кромѣ логическаго движенія понятія, составляетъ самую слабую сторону его натурфилософіи, которая вполне объясняетъ большинство остальныхъ промаховъ, сдѣланныхъ имъ въ этой области. Теперь это едва ли нуждается въ поясненіяхъ, такъ какъ теперь даже идеалистически настроенные естествоиспытатели,—такихъ, къ сожалѣнію, и сейчасъ немало, — рѣшительно не находятъ возможнымъ объяснять міровой процессъ логическимъ движеніемъ понятія и не видятъ въ такомъ объясненіи ровно ничего «наукообразнаго». Герценъ не только не отмѣчаетъ этого основного промаха Гегеля, а какъ будто видитъ въ немъ, наоборотъ, большую научную заслугу. Это могло произойти единственно потому, что самъ онъ

¹⁾ Сочиненія А. И. Герцена. Женева. 1913. Т. I, стр. 193.

²⁾ Конечно говоря, Вольфъ никогда не былъ діалектикомъ, а логикомъ. Логика, въ обычномъ значеніи этого слова, относится къ математикѣ къ высшей. Г. П.

¹⁾ Изложеніе гегелева взгляда на природу, какъ на инобытіе духа, относится въ «Дневникъ» Герцена къ 14 апрѣля названнаго года.

²⁾ Сочиненія, т. I, стр. 194. Записка отъ 19 апрѣля 1844 г.

оставался идеалистомъ, т.-е. по той причинѣ, что ему самому ссылка на такую «агенцію», какъ логическое движеніе понятія, представлялась удовлетворительнымъ объясненіемъ естественно-историческаго процесса. Правда, уже 20 іюня того же года онъ занесъ въ свой дневникъ строки, содержаніе которыхъ какъ будто рѣзко противорѣчить только-что сказанному мною. Онѣ посвящены статьѣ Іордана объ отношеніи всеобщей науки къ философіи. Статья эта появилась въ вигандовомъ «Трехмѣсячникѣ» и, очевидно, произвела на Герцена сильное впечатлѣніе. Онъ называетъ ее весьма замѣчательной и такъ передаетъ ея главную мысль.

«Критика, снявшая религію, стоя на философской почвѣ, должна итти далѣе и обратиться противъ самой философіи. Философское воззрѣніе есть послѣднее теологическое воззрѣніе, подчиняющее во всемъ природу духу, полагающее мышленіе за *primum*, не уничтожающее, въ сущности, противоположности мышленія и бытія своимъ тождествомъ. Духъ, мысль—результаты матеріи и исторіи. Полагая началомъ чистое мышленіе, философія впадаетъ въ абстракціи, восполняемая невозможностью держаться въ нихъ, конкретное представленіе непрерывно присуще; намъ мучительно и тоскливо въ сферѣ абстракцій—и срываемся непрерывно въ другую. Философія хочетъ быть отдѣльной наукой, наукой мышленія»¹⁾. Затѣмъ въ дневникѣ слѣдуетъ нѣмецкій текстъ, въ самомъ дѣлѣ заслуживающій величайшаго вниманія и потому переводимый мною здѣсь цѣликомъ: «И потому (т.-е. потому, что философія хочетъ быть наукой мышленія) она хочетъ быть въ то же самое время наукой міра, такъ какъ законы мышленія тѣ же, что и міровые законы. Это прежде всего нужно поставить въ обратномъ порядкѣ: мышленіе есть не что иное, какъ міръ, поскольку онъ познаетъ самого себя, мышленіе есть міръ, въ лицѣ человѣка становящійся яснымъ самому себѣ». Послѣ этого Герценъ продолжаетъ уже по-русски: «а потому нельзя наукою мышленія начинать и изъ нея выводить природу. Философія не отдѣльная наука, на мѣсто ея должно быть соединеніе всѣхъ нынѣ разрозненныхъ наукъ»²⁾.

Если мы предположимъ, что Герценъ вполне согласенъ съ Іорданомъ³⁾, то неизбежно должны будемъ также признать, что онъ уже разстался съ идеализмомъ: взглядъ Іордана прямо противополо-

¹⁾ Сочиненія, т. I, стр. 208—209.

²⁾ Статья Вильгельма Іордана была напечатана въ первомъ томѣ вигандова «Трехмѣсячника» („Wigand's Vierteljahrschrift“). Томъ этотъ вышелъ въ мѣсѣцъ 1844 года, а въ іюнь того же года онъ былъ прочитанъ Герценомъ. Отсюда видно, какъ внимательно слѣдилъ тогда нашъ авторъ за философскою литературой Германіи.

³⁾ Сочиненія, т. I, стр. 209.

женъ взгляду Гегеля¹⁾, и нельзя одновременно признавать, что духъ и мысль суть результаты матеріи и исторіи, и считать логическое понятіе главной «агенціей» мірового процесса. Но, принявъ указанное предположеніе, мы должны будемъ также допустить, что переходъ Герцена отъ одного изъ этихъ двухъ взглядовъ къ другому совершился именно въ промежутокъ времени отъ 14-го апрѣля до 20-го іюня 1844 г.: если бы онъ произошелъ раньше, то осталось бы совершенно непонятнымъ уже знакомое намъ сочувственное и чуждое всякой критики отношеніе нашего автора къ основному тезису идеалистической натурфилософіи Гегеля. Конечно, это допущеніе, разсматриваемое само по себѣ, не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго: почему бы Герцену не разстаться съ абсолютнымъ идеализмомъ именно весною 1844 года? Но существуютъ данныя, несогласимыя съ этимъ допущеніемъ.

II.

Во-первыхъ, въ томъ же дневникѣ и послѣ указаннаго времени продолжаютъ встрѣчаться мѣста, свидѣтельствующія о большомъ сочувствіи Герцена идеализму. Девятаго августа того же года онъ, излагая,—замѣтьте, по Фейербаху!—ученіе Лейбница, ставитъ этому послѣднему въ большую заслугу его близость къ «понятію»: «монада есть уже въ нѣкоторомъ смыслѣ понятіе»²⁾. Какое же понятіе? То, о которомъ говоритъ логика Гегеля. Ясно, что подобная похвала могла выйти только изъ-подъ пера такого человѣка, который самъ далеко еще не вышелъ изъ-подъ вліянія гегелизма. А вотъ нѣчто, пожалуй, еще болѣе убѣдительно. Въ концѣ того же мѣсяца Герценъ, читая розенкранцеву біографію Гегеля, отмѣчаетъ одно мѣсто въ первоначальномъ наброскѣ гегелевой натурфилософіи и такъ разсуждаетъ по его поводу: «Въ тогдашнемъ опытѣ философіи природы находится замѣчательное мѣсто о строеніи земного шара; расчлененіе онаго принимаетъ онъ (т.-е. Гегель. Г. II.) за результатъ безусловнаго прошедшаго, котораго они (т.-е. продукты расчлененія земного шара. Г. II.) нѣмымъ представителемъ и остались, они теперь равнодушно стоятъ рядомъ, потерявши отношеніе свое, пораженные будто параличомъ. Мысль чрезвычайно важная; отсюда нельзя ли ждать когда-нибудь отгадки, для чего и какъ явилось вещество планеты простыми тѣлами; что побудило сочетаться

¹⁾ Вильгельмъ Іорданъ стоялъ на точкѣ зрѣнія Фейербаха. Нѣкоторые называли его даже вѣрнѣйшимъ ученикомъ этого послѣдняго въ философіи (ср. статью Фр. Шмидта: „Die deutsche Philosophie in ihrer Entwicklung zum Sozialismus“ въ „Deutsches Bürgerbuch für 1846“ (zweiter Jahrgang), S. 71.

²⁾ Сочиненія, т. I, стр. 223.

въ извѣстныя горнокаменные породы, не былъ ли это опытъ жить всею планетой такъ, какъ растенія, опытъ жить всею поверхностью» ¹⁾? Нечего и говорить, что подобные вопросы («загадки») могли возникнуть только въ идеалистически настроенной головѣ.

Во-вторыхъ, знаменитыя «Письма объ изученіи природы», наивно принимаемыя нѣкоторыми историками нашей литературы за нѣчто въ родѣ «реалистическаго» манифеста Герцена, неоспоримо доказываютъ, что авторъ ихъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ идеализма—и именно гегелева идеализма. Конечно, и въ нихъ мы находимъ строки и даже цѣлыя страницы, полныя «реалистическаго»,—сохранимъ пока этотъ терминъ,—содержанія. Напримѣръ: «Гегель хотѣлъ природу и исторію, какъ прикладную логику,—а не логику, какъ отвлеченную разумность природы и исторіи. Вотъ причина, почему эмпирическая наука осталась такъ же хладнокровно-глуха къ энциклопедіи Гегеля, какъ къ диссертациямъ Шеллинга» ²⁾. Здѣсь мы имѣемъ передъ собой тотъ самый упрекъ, который много времени спустя дѣлалъ Гегелю матеріалистъ Энгельсъ. А вотъ еще: «Безъ сомнѣнія, Гегель поставилъ мышленіе на такой высотѣ, что нѣтъ возможности послѣ него сдѣлать шагъ, не оставивъ совершенно за собой идеализма» ³⁾. Это звучитъ тоже совсѣмъ реалистично. Не менѣе «реалистичны» и слѣдующія строки: «Идеализмъ всегда имѣлъ въ себѣ нѣчто невыносимо-дерзкое: человѣкъ, увѣрившійся въ томъ, что природа вздоръ, что все временное не заслуживаетъ его вниманія, дѣлается гордъ, безпощаденъ въ своей односторонности и совершенно недоступенъ истинѣ. Идеализмъ высокомерно думалъ, что ему стоитъ сказать какую-нибудь презрительную фразу объ эмпириі—и она разсѣется какъ прахъ; вышнія натуры метафизиковъ ошиблись» и т. д. ⁴⁾. Прочитавъ это мѣсто, всякій скажетъ: «авторъ «Писемъ объ изученіи природы» былъ рѣшительнымъ противникомъ идеализма; его точка зрѣнія была противоположна идеалистической». Но это будетъ ошибка или, какъ любилъ выражаться нашъ авторъ, не вся истина. И далеко не вся! То, что сказано въ послѣднемъ изъ приведенныхъ отрывковъ объ идеализмѣ, направляется, собственно, противъ субъективнаго идеализма. А мы знаемъ изъ исторіи философіи, что можно выступить его противникомъ, отнюдь не покидая идеалистической почвы: это достаточно подтверждается примѣромъ того же Гегеля и Шеллинга, отвергавшихъ субъективный идеализмъ Фихте. Замѣчаніе о томъ, что послѣ Гегеля нѣтъ возможности сдѣлать шагъ впередъ въ философіи природы, не покидая идеалистической почвы, какъ будто на-

правляется уже не только противъ субъективнаго идеализма, а также и противъ абсолютно-идеалистической философіи Гегеля. Однако, въ «Письмахъ объ изученіи природы» это замѣчаніе сопровождается слѣдующей знаменательной оговоркой: «Но шагъ этотъ не сдѣланъ, и эмпиризмъ хладнокровно ждетъ его; зато, если дождется, посмотрите, какая новая жизнь разольется по всѣмъ отвлеченнымъ сферамъ человеческого вѣдѣнія» ¹⁾! Вы видите: тотъ шагъ, который долженъ вывести мысль естествоиспытателей изъ ограниченности эмпиризма, еще не сдѣланъ, по мнѣнію Герцена. Это мнѣніе было не вѣрно: въ лицѣ Фейербаха западная философія уже покинула тогда идеалистическую почву. Однако, вѣрное или нѣтъ, оно, во всякомъ случаѣ, не могло не опредѣлить собою собственную теоретическую задачу автора «Писемъ»: если необходимый для науки шагъ еще не былъ сдѣланъ, то Герценъ самъ долженъ былъ попытаться его сдѣлать. И вотъ тутъ-то и возникаетъ вопросъ: удалось ли ему это? Всякій, кто знакомъ съ тогдашнимъ состояніемъ философіи, отвѣтитъ, что нѣтъ, если только дастъ себѣ пріятный трудъ внимательно прочитать «Письма объ изученіи природы».

Герценъ идетъ въ нихъ ощупью. Время отъ времени [ему случается поставить ногу на твердую «реалистическую» почву; но чаще всего онъ ставитъ ее на ту самую почву идеализма, которую онъ находитъ нужнымъ покинуть. И, въ концѣ концовъ, даже совершенно вѣрныя замѣчанія его противъ идеалистовъ пріобрѣтаютъ уже отмѣченный мною, гораздо болѣе узкій смыслъ критическихъ выпадовъ противъ сторонниковъ субъективнаго идеализма. Когда Герценомъ направляется по адресу Гегеля вполне справедливое обвиненіе во взглядѣ на природу и на исторію какъ на прикладную логику, тогда представляется несомнѣннымъ, что нашъ авторъ совершенно ясно видитъ, въ чемъ состоитъ первородный грѣхъ абсолютнаго идеализма. Но такое представленіе не выдерживаетъ встрѣчи съ разсужденіями въ родѣ слѣдующаго: «Органическій процессъ неминуемо долженъ развиться въ животномъ кровеносную систему, нервную и проч. по родовому, пожалуй, предсуществующему и осуществляющемуся понятію» ²⁾. Эта мысль, возвращая насъ къ «понятію», представляетъ собою шагъ не за предѣлы гегелева идеализма, а, такъ сказать, въ самую его сердцевину. А такими мыслями изобилуютъ «Письма объ изученіи природы». Всякій разъ, когда ихъ авторъ принимается за критику матеріализма, онъ разсуждаетъ, какъ убѣжденный идеалистъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

¹⁾ Сочиненія, т. I, стр. 229.

²⁾ Сочиненія, т. II, стр. 72. Курсивъ въ подлинникѣ

³⁾ Тамъ же, стр. 72.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 41.

¹⁾ Сочиненія, т. II стр. 72—73.

²⁾ Сочиненія, т. II, стр. 275.

Критикуя материализм Эпикура, Герценъ говоритъ о «верховномъ началѣ, царящемъ надъ физическимъ многообразіемъ»¹⁾; ограниченность материалистическаго воззрѣнія въ томъ, по его словамъ, и заключается, что оно не признаетъ существованія такого начала. Но признать его существованіе значить обѣими ногами утвердиться на идеалистической почвѣ. Такимъ образомъ, материалисты грѣшили, по Герцену, тѣмъ, что отвергали идеалистическій взглядъ на «физическое многообразіе», то-есть на матеріальный міръ. Ему и въ голову здѣсь не приходитъ, что, признавъ существованіе «начала, царящаго надъ физическимъ многообразіемъ», можно, нисколько не измѣняя себѣ, взглянуть на природу какъ на прикладную логику. Далѣе. Французскихъ материалистовъ въ XVIII в. Герценъ упрекаетъ въ томъ, что они не понимали единства бытія и мышленія. «У нихъ бытіе и мышленіе или распадаются или дѣйствуютъ другъ на друга внѣшнимъ образомъ, говоритъ онъ; природа помимо мышленія—часть, а не цѣлое; мышленіе такъ же естественно, какъ протяженіе, такъ же степень развитія, какъ механизмъ, химизмъ, органика—только высшая. Этой простой мысли не могли понять материалисты; они думали, что природа безъ человѣка полна, замкнута и довольна себѣ, что человѣкъ какой-то посторонній»²⁾. Этотъ упрекъ тѣмъ болѣе страненъ, что Герценъ, какъ видно, читалъ «Système de la nature» Гольбаха и долженъ былъ бы помнитъ, съ какой настойчивостью проводится тамъ мысль объ единствѣ бытія и мышленія. Ни самъ Гольбахъ и ни одинъ изъ остальныхъ членовъ материалистическаго кружка, выразившаго свои взгляды въ «Системѣ природы», никогда не думалъ смотрѣть на человѣка какъ на что-то постороннее природѣ, и никогда не отрицалъ, что природа «помимо мышленія,—т.-е., выражаясь точнѣй, вообще, помимо такъ называемыхъ психическихъ явленій,—представляетъ собою не цѣлое, а только часть. Одно изъ главныхъ возраженій, выдвигавшихся французскими материалистами противъ спиритуалистовъ, именно въ томъ и состояло, что нельзя смотрѣть на «духъ» какъ на особое начало, противостоящее природѣ и царящее надъ нею. Въ глазахъ материалистовъ, матерія отнюдь не была тѣмъ мертвымъ тѣломъ, какимъ объявилъ ее Декартъ. Почему же Герценъ приписалъ имъ ошибку, которой они никогда не дѣлали? Тутъ было очевидное недоразумѣніе. Но какъ же оно возникло?

III.

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо вдуматься въ слѣдующія слова нашего автора: «Шеллингъ засталъ борьбу раз-

¹⁾ Сочиненія, т. II, стр. 171.

²⁾ Тамъ же, стр. 282.

ныхъ взглядовъ на разумъ и на природу въ ея высшемъ и крайнемъ выраженіи, когда, съ одной стороны, «не-я» пало подъ ударами Фихте и власть разума провозгласилась въ какихъ-то безконечныхъ пространствахъ холода и пустоты; съ другой, французы отрицали все нечувственное и, какъ черепословы, стремились истолковать мысль бугорками и углубленіями, а не бугорки мысля, и онъ первый высказалъ, хотя не вполне, высокое единство, о которомъ мы говорили» (т.-е. единство бытія и мышленія. Г. II. ¹⁾).

Съ этимъ полезно сопоставить еще вотъ какое соображеніе Герцена: «Крайность реализма выразили энциклопедисты; они такъ же дѣйствительно, такъ же вѣрно, такъ же полно представляютъ свою сторону духа человѣческаго, какъ идеалисты свою; и такъ же, какъ они, обусловлены временемъ, послѣ котораго и тѣ и другіе должны потерять свои исключительныя притязанія и соединиться въ одно стройное пониманіе истины. Къ этому примиренію, повторяемъ, стремился Шеллингъ и всѣ послѣдователи его; ему-то обширныя основанія воздвигнулъ Гегель—остальное додѣлаетъ время».

Это какъ нельзя болѣе характерно для тогдашнихъ философскихъ взглядовъ Герцена. Онъ справедливо считалъ важнѣйшимъ вопросомъ философіи вопросъ объ отношеніи мышленія къ бытію, субъекта къ объекту. Всякую данную философскую систему онъ оцѣнивалъ прежде всего примѣнительно къ этому вопросу. Иначе, разумѣется, и не могъ поступать человѣкъ, прошедшій черезъ школу такого послѣдовательнаго мониста, такого непримиримаго врага всякаго дуализма, какимъ былъ Гегель. Въ ученіи Гегеля, какъ, впрочемъ, и въ ученіи Шеллинга, единство мышленія и бытія являлось одновременно основой и вѣнцомъ всѣхъ прочихъ философскихъ построеній. И надо признать, что въ этомъ заключалось огромное преимущество ихъ философіи въ сравненіи, на примѣръ, съ дуалистической философіей Канта. Какъ же, однако, понимали единство бытія и мышленія великіе монисты Шеллингъ и Гегель? Не трудно догадаться, что они понимали его въ идеалистическомъ смыслѣ: иначе они не были бы идеалистами. Но въ томъ-то и дѣло, что ихъ пониманіе было неправильно, какъ это показали еще Фейербахи.

По словамъ Фейербаха, идеалистическая философія, нашедшая крайнее свое выраженіе въ Шеллингѣ и Гегелѣ, устранила противорѣчіе между бытіемъ и мышленіемъ, продолжая оставаться внутри его, т.-е., въ сущности, совсѣмъ не устранила. Это значитъ вотъ что: у Гегеля мышленіе и есть бытіе, такъ какъ у него въ послѣднемъ счетѣ нѣтъ ничего, кромѣ мышленія; сама природа есть не

¹⁾ Сочиненія, т. II, стр. 284—285.

болѣе, какъ инобытіе духа: чтобы сотворить природу, абсолютная идея противопоставляетъ себя самой себѣ. По Гегелю, «мышленіе—субъектъ, бытіе—предикатъ», говоритъ Фейербахъ, выражая то же самое тогдашнимъ философскимъ языкомъ. Но, если это правда; если у Гегеля мышленіе и есть бытіе, то нечего и искать единства между мышленіемъ и бытіемъ: оно дано заранѣе. Выходитъ, что Гегель не разрѣшилъ антиноміи между бытіемъ и мышленіемъ, а только устранилъ одинъ изъ двухъ ея составныхъ элементовъ: бытіе, матерію, природу. Фейербахъ прибавлялъ,—и опять совершенно справедливо,—что, если, по ученію Гегеля, природа создается тѣмъ, что идея противопоставляетъ себя самой себѣ, то это есть лишь переводъ на языкъ спекулятивной философіи теологическаго ученія о созданіи матеріи духовнымъ существомъ, природы—Богомъ.

Такъ смотрѣлъ Фейербахъ. А какъ смотрѣлъ Герценъ? Онъ,—мы это видѣли,—думалъ, что Шеллингъ «первый высказалъ, хотя и не вполне, высокое единство» бытія и мышленія, и что Гегель воздвигнулъ этому единству «обширныя основанія». Правда, кое-что въ рѣшеніи вопроса Шеллингомъ—Гегелемъ казалось и ему неудовлетворительнымъ. Но это кое-что было въ его глазахъ не очень значительно: онъ утверждалъ, что недодѣланное великими нѣмецкими идеалистами будетъ додѣлано временемъ¹⁾. Въ этомъ-то и состояла коренная философская ошибка автора «Писемъ объ изученіи природы». Герценъ говорилъ въ нихъ, что послѣ Гегеля итти впередъ значитъ выйти изъ области идеализма, и это было совершенно справедливо. Но, когда онъ самъ пытался сдѣлать такой шагъ впередъ, онъ бралъ за точку исхода предложенное Гегелемъ идеалистическое рѣшеніе антиноміи между мышленіемъ и бытіемъ. Поэтому его критика идеализма осталась не болѣе какъ критикой субъективнаго идеализма, имѣвшаго тогда очень мало значенія. Это хорошо видно изъ того, что говорится имъ о роли Шеллинга: явившись въ самый разгаръ войны между Фихте, съ одной стороны, и «французами» (т.-е. французскими материалистами), съ другой, Шеллингъ первый, по словамъ Герцена, высказалъ, хотя и не съ полной

¹⁾ Нѣсколько ниже Герценъ говоритъ: «Гегель понималъ дѣйствительное отношеніе бытія къ мышленію; но понимать не значитъ вполне отречься отъ стараго... Никто изъ рожденных въ плѣну египетскомъ не вышелъ въ обѣтованную землю... Гегель своимъ геніемъ, мощью своей мысли подавлялъ египетскій элементъ, и онъ остался у него больше дурной привычкой; Шеллингъ же былъ подавленъ имъ» (Соч., т. II, стр. 73). Итакъ, по существу, Гегель былъ правъ и только дурно выражался по старой идеалистической привычкѣ. Эту дурную привычку и должно, какъ видно, устранить время. Другими словами, это значитъ, что абсолютный идеализмъ правильно опредѣлялъ отношеніе мышленія къ бытію. О Шеллингѣ Герценъ выражается здѣсь менѣе одобрительно, но не надо забывать, что Шеллингъ уже выступилъ тогда со своей реакціонной «Философіей откровенія».

ясностью, мысль объ единствѣ бытія и мышленія. Послѣ этого не удивительно, что нашъ авторъ продолжалъ смотрѣть на материализмъ глазами великихъ нѣмецкихъ идеалистовъ. Онъ читалъ «Систему природы», но читалъ ее, запасшись предварительно ошибочнымъ взглядомъ на материализмъ, а потому и нашелъ въ этой книгѣ то, чего въ ней не было, и вовсе не обратилъ должнаго вниманія на то, что въ ней было.

Интересно, что Герценъ уже зналъ Фейербаха въ то время, когда писалъ свои «Письма объ изученіи природы»: его познакомилъ съ этимъ мыслителемъ Огаревъ, навѣстившій его въ новгородской ссылкѣ и захватившій съ собою знаменитую книгу: «Das Wesen des Christentums». Книга эта привела въ восторгъ новгородскаго ссыльнаго. «Прочитавъ первыя страницы, я вспрыгнулъ отъ радости,—говоритъ онъ.—Долой маскарадное платье, прочь косноязычье и иносказанія, мы—свободные люди, а не рабы Ксанора, не нужно намъ облекать истину въ миѳы»¹⁾. Однако, увлекшись Фейербахомъ, Герценъ еще далеко не усвоилъ себѣ, какъ мы видѣли, его отрицательнаго взгляда на гегелево ученіе объ единствѣ мышленія и бытія. А потому онъ остался несравненно болѣе близкимъ къ идеализму, нежели къ Фейербаху: лишь по временамъ, лишь на нѣкоторыхъ страницахъ «Дневника» и «Писемъ объ изученіи природы», лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ сочувственно цитируетъ такія статьи, въ которыхъ мысль и духъ объявляются результатами матеріи и исторіи, прорывается у него взглядъ, родственнѣй материалистическому взгляду Фейербаха. Но это только исключенія, подтверждающія собою общее правило. А общее правило то, что Герценъ продолжаетъ держаться идеализма.

Впрочемъ, тутъ надо сдѣлать довольно длинную оговорку. Сущность материалистическаго взгляда Фейербаха сводится къ той,—прекрасно знакомой всѣмъ марксистамъ,—мысли, что не бытіе опредѣляется мышленіемъ, а мышленіе—бытіемъ. Бытіе опредѣляется самимъ собой; оно имѣетъ основу въ самомъ себѣ. Поэтому Фейербахъ въ противоположность Гегелю утверждалъ, что бытіе есть предметъ, а мышленіе—свойство предмета²⁾. Мыслить не отвлеченное существо, не то «я», которымъ занимается идеалистическая философія. Думаетъ мое тѣло; мое тѣло и есть мое «я». Но это «я» есть «я» только для меня: для другого—оно не «я», а «ты». Такимъ образомъ, ошибаются идеалисты, принимая за точку исхода «я». Точкой исхода должно быть одновременно «я» и «ты». Это представляется парадоксомъ: кажется, будто Фейербахъ требуетъ принятія за точку исхода двухъ точекъ. Но это только такъ

¹⁾ Сочиненія, т. VII, стр. 133.

²⁾ На тогдашнемъ философскомъ языкѣ это звучало такъ: «бытіе—субъектъ, мышленіе—предикатъ».

кажется: на самомъ дѣлѣ Фейербахъ принимаетъ за точку исхода одно положеніе, гласящее, что «я» есть не только субъектъ, но въ то же время и объектъ (субъектъ для себя; объектъ для другого). Это и есть материалистическое ученіе объ единствѣ мышленія и бытія, субъекта и объекта, духа и матеріи. «Что для меня, или субъективно, есть чисто духовный, нематеріальный, нечувственный актъ, то само по себѣ, объективно, есть актъ матеріальный, чувственный», говоритъ Фейербахъ.

Вдумайтесь въ это, и вы непременно согласитесь съ Фейербахомъ. А согласившись съ нимъ, вы сами увидите, до какой степени слабы тѣ идеалистическія возраженія, съ которыми выступалъ Герценъ въ «Письмахъ объ изученіи природы». Онъ утверждалъ, что материализмъ отрицаетъ все «нечувственное». Но вы сами слышали сейчасъ отъ Фейербаха, что «нечувственное» есть лишь другая сторона «чувственного», и что устранять одинъ изъ элементовъ антиноміи между бытіемъ и мышленіемъ значить не рѣшать ее, а уклоняться отъ ея рѣшенія.

Герценъ принялъ здоровую голову за больную, а больную за здоровую. Это было большое недоразумѣніе, на которое опиралась значительная часть его критики материализма. Онъ рассуждалъ такъ: «Разумѣтся, что опытъ возбуждаетъ сознаніе, но также разумѣтся, что возбужденное сознаніе вовсе не имъ произведено, что опытъ—одно условіе, толчокъ, такой толчокъ, который никакъ не можетъ отвѣчать за послѣдствія, потому что они не въ его власти, потому что сознаніе не *tabula rasa*, а *actus purus*, дѣятельность не внѣшняя предмету, а совсѣмъ напротивъ внутреннѣйшая внутренность его, такъ какъ, вообще, мысль и предметъ составляютъ не два разные предмета, а два момента чего-то единого»¹⁾.

Въ этихъ послѣднихъ словахъ, направленныхъ не противъ материализма, а противъ философскаго дуализма, виденъ монизмъ. Но та мысль, что опытъ служитъ сознанію такимъ толчкомъ, который не отвѣчаетъ за свои послѣдствія, такъ какъ сознаніе есть *actus purus*, а не *tabula rasa*, еще разъ обнаруживаетъ идеалистическую природу того монизма, котораго держался Герценъ, когда писалъ «Письма объ изученіи природы».

Если опытъ не отвѣчаетъ за свои собственныя послѣдствія, то, это значить, что человѣческій разумъ предписываетъ природѣ ея законы, какъ училъ нѣкогда Кантъ. Но и этотъ взглядъ опровергнуть тѣмъ же Фейербахомъ.

«Книга природы,—превосходно говорилъ онъ,—вовсе не есть дикій хаосъ безпорядочно набросанныхъ одна на другую буквъ, хаосъ, въ который разумъ впервые вносилъ бы взаимную связь и порядокъ,

¹⁾ Сочиненія, т. II, стр. 277

субъективно и произвольно сочетая буквы въ осмысленныя предложенія. Нѣтъ, разумъ различаетъ и сочетаетъ вещи на основаніи признаковъ, данныхъ ему внѣшними чувствами; мы раздѣляемъ то, что раздѣлено въ природѣ, и связываемъ то, что связано въ ней; мы подчиняемъ вещи одну другой какъ основу и слѣдствіе, какъ причину и дѣйствіе, потому что таково ихъ фактическое, чувственное, дѣйствительное, предметное взаимоотношеніе»¹⁾.

Только при такомъ взглядѣ на вопросъ объ отношеніи бытія къ мышленію получаютъ смыслъ тѣ строки сочувственно цитируемой Герценомъ статьи Йордана, гдѣ говорится, что «духъ, мысль—результаты матеріи и исторіи», и что мышленіе, вообще, есть не что иное, какъ «міръ, поскольку онъ познаетъ самого себя» (см. выше²⁾). Принимая мышленіе за *actus purus*, опредѣляющій собою «послѣдствія опыта», Герценъ долженъ былъ бы объявить эти строки бессмысленными.

То замѣчаніе Герцена, что не опытъ «производитъ» сознаніе, равносильно, если я не ошибаюсь, тому соображенію, что движеніе, къ которому сводится въ послѣднемъ счетѣ всякій опытъ, не переходитъ въ мысль, или иначе, что мысль не есть движеніе вещества. На этомъ едва ли нужно останавливаться послѣ всего сказаннаго выше. Разумѣтся, мысль не есть матеріальный актъ, если она есть другая сторона такого акта. Только не уяснивъ себѣ материалистическаго ученія, можно понимать его въ смыслѣ отождествленія движенія съ мыслью. Въ глазахъ послѣдовательныхъ материалистовъ это было бы равнозначительно тому отождествленію мышленія и бытія, которое ставится ими въ вину идеализму. Ихъ единство бытія и мышленія вовсе не есть тождество³⁾.

Герценъ выдвигаетъ противъ материализма еще и такіе доводы, которые не имѣютъ прямого отношенія къ только-что рассмотрѣнному вопросу. Я разберу ихъ потомъ. Тогда читатель согласится, надѣюсь, что и эти доводы,—иногда весьма неожиданные,—основываются на недоразумѣніи.

¹⁾ Сочиненія Фейербаха, т. II, стр. 322—323. Энгельсъ очень остроумно замѣчалъ въ послѣдствіи, что, если нашъ разумъ произвольно отнесетъ къ разряду млекопитающихъ платяную щетку, то отъ этого у нея не вырастутъ молочныя железы.

²⁾ Йорданъ, какъ видно, держался фейербахова рѣшенія названнаго вопроса: онъ говорилъ, что, полагая мышленіе за *purus*, философія не уничтожаетъ противоположности мышленія и бытія.

³⁾ Поэтому же не основательно и то мнѣніе,—заимствованное Герценомъ у Гегеля,—что мышленіе есть „такъ же степень развитія, какъ механизмъ, химизмъ, органика“ (см. выше). Мышленіе вовсе не есть надъорганическое явленіе: оно есть функція организма, стоящаго на извѣстной высотѣ развитія.

IV.

Мнѣ скажутъ, пожалуй, что, критикуя матеріализмъ, нашъ авторъ имѣлъ въ виду вовсе не ученіе Фейербаха, а матеріализмъ прежняго времени, до французскаго матеріализма XVIII в. включительно, и что нынѣшніе историки философіи даже не признаютъ Фейербаха матеріалистомъ. На это я отвѣчу, что Герценъ считалъ свои возраженія противъ матеріализма прежняго времени неопровержимыми для всякаго вообще матеріализма, и что, къ тому же, въ интересующей насъ здѣсь области теоретическая позиція прежняго матеріализма,—начиная, по крайней мѣрѣ, съ Гоббса,—ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ позиціи Фейербаха. Отсюда видно, какъ слѣдуетъ относиться къ толкамъ о томъ, что Фейербахъ вовсе не былъ матеріалистомъ. Они основаны не на томъ, что было, а на томъ, что должно было быть, по мнѣнію нѣкоторыхъ идеологовъ буржуазіи, сдѣлавшейся на старости лѣтъ весьма консервативной, чопорной и богомольной. Эти идеологи держатся удобнаго для нихъ, но смѣшного и жалкаго правила не признавать матеріалистомъ ни одного серьезнаго мыслителя, каково бы ни было его ученіе. Когда-то, споря со мною въ «Neue Zeit», Конрадъ Шмидтъ отказался признать матеріалистами даже Ламеттри, Гольбаха и Гельвеція. По поводу такихъ возраженій можно замѣтить только то, что человѣкъ обязанъ «знать мѣру» даже и тогда, когда почему-нибудь намѣревается поставить себя въ смѣшное положеніе.

Считая излишнимъ повторять здѣсь сказанное мною въ разныхъ другихъ мѣстахъ о матеріализмѣ Фейербаха, напомнимъ читателю только слѣдующій фактъ.

Когда вышла книга Мошотта: «Lehre der Nahrungsmittel» ¹⁾, Фейербахъ не только радостно привѣтствовалъ ее, но объявилъ что въ ней рѣшаются труднѣйшіе вопросы философіи, и что она заключаетъ въ себѣ истинныя «основы философіи будущаго» ²⁾. Можетъ быть, и Мошотта напрасно причисляютъ къ матеріалистамъ?

Нѣтъ, зачѣмъ говорить пустое! Энгельсъ былъ совершенно правъ, замѣчая: «Ходъ развитія Фейербаха есть превращеніе гегельянца.. въ матеріалиста» ³⁾. Но всякое развитіе имѣетъ свои фазы. Самъ Фейербахъ признавалъ вполнѣ, что точка зрѣнія его книги: «Сущность христіанства» не была его оконча-

¹⁾ Переведенная по-русски подъ названіемъ: «Ученіе о пищѣ», она сыграла также нѣкоторую роль въ исторіи нашего умственнаго развитія.

²⁾ Такъ называлось одно изъ главнѣйшихъ философскихъ произведеній Фейербаха. См. «Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlass, dargestellt von Karl Grün», томъ II, стр. 81.

³⁾ Матеріалистомъ считали его и наши славянофилы, напр., Хомяковъ.

тельной точкой зрѣнія и до извѣстной степени грѣшила идеализмомъ ¹⁾. Герценъ тоже развивался въ направленіи отъ гегельянства къ матеріализму. Но его «Письма объ изученіи природы» несравненно дальше отъ послѣдовательнаго матеріалистическаго ученія, нежели фейербахова «Сущность христіанства». Если бы меня спросили, какой именно фазѣ развитія Фейербаха соответствуетъ философскій взглядъ, выраженный Герценомъ въ «Письмахъ объ изученіи природы», у меня явилось бы сильное искушеніе отвѣтить: той, къ которой относится фейербахова статья: «Kritik des Idealismus», посвященная разбору книги Ф. Дорфгута: «Kritik des Idealismus und Materialien zur Grundlegung eines apodiktischen Real-Rationalismus» и написанная въ 1838 году. Въ этой статьѣ Фейербахъ возстаетъ, между прочимъ, противъ мысли о томъ, что мышленіе есть лишь предикатъ бытія, т.-е. противъ той самой мысли, которая вполнѣ легла въ основу его собственной философіи. Я думаю, что авторъ «Писемъ объ изученіи природы» нашелъ бы совершенно правильными соображенія, высказанныя Фейербахомъ въ названной статьѣ противъ этой мысли ²⁾.

Теперь понятно и то, что Герценъ могъ, какъ мы видѣли, одобрять не подлежащій никакому сомнѣнію крайній идеализмъ Лейбница, находясь подъ впечатлѣніемъ одного изъ изслѣдованій Фейербаха: дѣло въ томъ, что фейербаховы изслѣдованія по исторіи философіи принадлежатъ до-матеріалистическому періоду его теоретическаго развитія ³⁾.

Но достойно замѣчанія вотъ что. Какъ мы уже видѣли, по Фейербаху, гегелево рѣшеніе антиноміи между мышленіемъ и бытіемъ представляетъ собою лишь переводъ на философскій языкъ теологическаго ученія о сотвореніи природы Богомъ. Авторъ «Писемъ объ изученіи природы» рѣшительно возставалъ противъ этого ученія. Извѣстно, что его дружба съ Грановскимъ надо-

¹⁾ Вѣроятно, этимъ ея недостаткомъ объясняется то обстоятельство, что Г. А. Луначарскій находитъ возможнымъ противопоставлять теперь высказанный въ этой книгѣ взглядъ на религію взгляду на нее Энгельса и Плеханова. Гг. А. Луначарскій и Богдановъ готовы рукоплескать всякому промаху всякаго мыслителя, если этотъ промахъ сближаетъ его съ идеализмомъ.

²⁾ Статья противъ Дорфгута находится во второмъ томѣ полнаго собранія сочиненій Фейербаха, стр. 131—145 (изданіе 1904 года). Прошу запомнить: я вовсе не говорю, что Фейербахъ вполнѣ вѣренъ во всемъ соглашенію съ Дорфгутомъ. Этого не было. Я только утверждаю, что указанная въ текстѣ мысль, отвергавшаяся имъ въ спорѣ съ Дорфгутомъ, была всецѣло признана имъ со временемъ. Этого довольно.

³⁾ См. въ его сочиненіяхъ (т. II, стр. 406) его собственное признаніе на этотъ счетъ.

рвалась какъ-разъ по той причинѣ, что тотъ никакъ не хотѣлъ разстаться съ многовѣковымъ теологическимъ положеніемъ. Но, возставаая противъ него одномъ его видѣ, — въ теологическомъ одѣяніи, — Герценъ отстаивалъ (въ своихъ «Письмахъ»), поскольку онъ былъ одѣтъ въ философскій костюмъ ¹⁾. Это была несомнѣнная непоследовательность, которой чужды были такіе люди 60-хъ годовъ, какъ Чернышевскій и Добролюбовъ ²⁾. Герценъ, повидимому, и самъ впоследствии отдѣлался отъ нея. Но, поскольку она дала себя почувствовать въ такихъ значительныхъ его сочиненіяхъ, какъ «Письма объ изученіи природы», она врядъ ли ускользнула отъ вниманія наиболѣе образованныхъ въ философскомъ отношеніи «шестидесятниковъ». Чернышевскій и Добролюбовъ также были убѣжденными последователями Фейербаха. Но тотъ Фейербахъ, за которымъ шли они, былъ Фейербахъ послѣдней стадіи развитія, Фейербахъ, написавшій «Vorläufige Thesen zur Reform der Philosophie», «Grundsätze der Philosophie der Zukunft», «Wider den Dualismus von Leib und Seele» и чрезвычайно характерное предисловіе къ первому полному изданію своихъ сочиненій. Въ виду этого «шестидесятники» могли не безъ основанія полагать, что они лучше знали Фейербаха и были вѣрнѣе ему, нежели передовые люди сороковыхъ годовъ ³⁾. Позволительно предположить, что это убѣжденіе обнаружилось въ ироническомъ восклицаніи, посылаемомъ Добролюбовымъ по адресу Берсенева: «вотъ любопытно бы послушать, что онъ о Фейербахѣ-то говоритъ!» Если это предположеніе, — которому, вѣроятно, суждено остаться не болѣе какъ предположеніемъ, — правильно, то «весьма хорошему русскому дворянину» Берсеневу пришлось пострадать здѣсь не только за себя, а чуть не за цѣлое поколѣніе.

Ниже я укажу на позднѣйшія произведенія Герцена, въ которыхъ онъ какъ будто совсѣмъ разрывалъ съ идеализмомъ. Теперь же я могу пока ограничиться повтореніемъ того, что не можетъ быть и рѣчи о приуроченіи этого разрыва къ веснѣ 1844 года: въ

¹⁾ Многіе нѣмецкіе читатели и почитатели Фейербаха, восхищаясь его „Сущностью христіанства“, тоже не давали себѣ яснаго отчета въ его основныхъ философскихъ взглядахъ. Это было замѣчено еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка. Ср. вышеуказанную статью Фр. Шмидта, „Deutsches Bürgerbuch, т. II, стр. 65. Не мѣшасть замѣтить, однако, что отъ этого недостатка не свободенъ и самъ Фр. Шмидтъ.

²⁾ О Чернышевскомъ и его отношеніи къ Фейербаху см. въ моей книгѣ: „Н. Г. Чернышевскій“ и въ статьѣ: „Эстетическая теорія Чернышевскаго“ въ моемъ сборникѣ: „За двадцать лѣтъ“.

³⁾ Если судить по „Очеркамъ гоголевскаго періода русской литературы“, то надо думать, что въ такомъ случаѣ дѣлалось, по крайней мѣрѣ, одно лестное исключеніе — для В. Г. Бѣлинскаго.

ту пору онъ, какъ мы видѣли, еще держался за идеалистическое рѣшеніе вопроса объ отношеніи мышленія къ бытію.

У насъ такъ привыкли считать Герцена «реалистомъ», — не вкладывая, однако, въ терминъ «реализмъ» сколько-нибудь опредѣленнаго теоретическаго содержанія, — что многимъ можетъ показаться страннымъ сказанное мною объ его идеализмѣ. Но этотъ идеализмъ есть фактъ, отъ котораго нельзя отговориться, и который необходимо было отмѣтить въ интересахъ исторіи русской общественной мысли. Пожалуй, иной читатель огорчится, услышавъ объ идеализмѣ автора «Писемъ объ изученіи природы»; такому читателю я разскажу въ утѣшеніе вотъ какое происшествіе.

Въ первую свою встрѣчу съ Энгельсомъ я заговорилъ съ нимъ, между прочимъ, о Лассалѣ, котораго онъ, разумѣется, очень хорошо зналъ. Характеризуя его философскіе взгляды, Энгельсъ сказалъ мнѣ: «Представьте себѣ, что онъ до конца жизни вѣрилъ въ предсуществованіе гегелевыхъ категорій (Präexistenz der Hegelschen Kategorien)»! Этому безъ труда повѣрить всякій, знакомый, напримѣръ, съ такимъ сочиненіемъ Лассаля, какъ «System der erworbenen Rechte». Въ міросозерцаніи Лассаля были свои слабыя стороны. Но дѣл въ томъ, что въ «Письмахъ объ изученіи природы» Герценъ критикуетъ матеріализмъ именно какъ челоѣкъ, вѣрящій — по крайней мѣрѣ, по временамъ — въ Präexistenz der Hegelschen Kategorien. Прошу читателя припомнить, что говоритъ нашъ авторъ о «предсущующемъ понятіи», осуществляющемся въ органическомъ процессѣ. Еще выразительнѣе въ этомъ отношеніи его похвала Гегелю за попытку объяснить діалектическій процессъ природы, «не вводя никакой другой агенціи, кромѣ логическаго движенія понятія».

V.

До недавняго времени былъ очень распространенъ тотъ взглядъ, что, если Бѣлинскій увлекался нѣкогда «философскимъ колпакомъ» Гегеля, то Герценъ счастливо избѣжалъ этой ошибки молодости и, стоя на «реалистической» точкѣ зрѣнія, никогда не имѣлъ къ «колпаку» никакого положительнаго отношенія. Мы видимъ теперь, до какой степени это ошибочно. Герцену тоже суждено было долго носить «философскій колпакъ» Гегеля. И архи-нелѣпо сожалѣть объ этомъ, такъ какъ это было для него не бѣдой, а огромнымъ счастьемъ. Нашъ блестящій авторъ остался бы, по его собственному выраженію, «не полонъ, не современенъ», если бы не попалъ въ «закаляющій горни» гегелевой логики. Въ обычномъ представленіи о ходѣ его умственнаго развитія справедливо только то, что фило-

софія Гегеля никогда не приводила его,—въ противоположность съ Бѣлинскимъ,—къ примиренію съ російской дѣйствительностью. Это различіе произошло преимущественно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, по обстоятельствамъ времени; во-вторыхъ, потому, что складъ ума Герцена не былъ похожъ на складъ ума Бѣлинскаго.

Герценъ, въ юности принадлежавшій къ «политикамъ», началъ знакомиться съ философіей Гегеля нѣсколькими годами позже, нежели Бѣлинскій. Это было очень важно въ такое время, когда каждый новый годъ приносилъ съ собою много новыхъ побѣдъ лѣвому крылу гегелевой школы и много новыхъ поражений ея правому крылу. Эти побѣды и эти поражения не оставались неизвѣстными въ Россіи. Самъ Герценъ весьма образно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ внимательно слѣдили въ Москвѣ за нѣмецкой философской литературой. «Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философій, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней»¹⁾. Онъ шутливо прибавляетъ, что всѣ Вердеры, Маргейнеке, Михелеты, Отто, Ватке, Шаллеры, Розенкранцы и даже самъ Арнольдъ Руге расплакались бы отъ умиленія, услыжавъ, «какія побоища и ратованія возбудили они въ Москвѣ между Моросейкой и Моховой, какъ ихъ читали и какъ ихъ покупали»²⁾. Но читали и покупали не только Отто, Маргейнеке и Михелетовъ, а также и представители лѣваго крыла. Одного изъ нихъ,—Арнольда Руге,—называетъ самъ Герценъ, къ Руге надо прибавить Бруно Бауэра, Штирнера уже упомянутого выше Йордана и многихъ другихъ. Изъ дневника Герцена видно, напимѣръ, что ему хорошо извѣстно было волненіе, вызванное въ передовыхъ германскихъ кругахъ карой, постигшей Бруно Бауэра, у котораго за его смѣлыя богословскія изслѣдованія начальство отняло *licentia docendi*. Не остался неизвѣстнымъ ему и органъ лѣвыхъ гегельянцевъ: «*Deutsche Jahrbücher*». Объ этихъ послѣднихъ мы встрѣчаемъ въ «Дневникѣ» такую замѣтку: «Ими философія германская выступаетъ изъ аудиторіи въ жизнь, становится социальна, революціонна, получаетъ плоть и, слѣдовательно, прямое дѣйствіе въ мірѣ событий. Тутъ видны, ясны большіе шаги въ политическомъ воспитаніи, и нѣмцы дѣлаются почти свободны отъ обвиненій, обыкновенно налагаемыхъ на нихъ... Одна изъ статей оканчивается прямо: «надобно рѣшиться и однажды навсегда—христіанство и монархія или философія и республика!»

¹⁾ Сочиненія, т. VII, стр. 121. Мы видѣли, какъ быстро дошелъ до него самого «Трехмѣсячникъ» Виганда.

²⁾ Тамъ же, стр. 122. Курсивъ въ подлинникѣ.

И вотъ Германія *lancée* (бросилась, *I. II.*) въ эмансипацію политическую» и т. д.¹⁾

Когда получаешь подобныя впечатлѣнія отъ истолкователей данной философской системы, невозможно понять ее въ смыслѣ примиренія съ дѣйствительностью,—совсѣмъ наоборотъ²⁾.

Ученіе Гегеля было подробно и послѣдовательно разработанной системой абсолютнаго идеализма. Абсолютный идеализмъ выдавалъ себя за философское откровеніе абсолютной истины. А такъ какъ, по Гегелю, истина познается людьми лишь послѣ того, какъ она воплощается въ жизни («сова Минервы вылетаетъ лишь въ сумеркахъ»), то мыслитель, считавшій себя обладателемъ цѣлой системы абсолютной истины, непременно долженъ былъ считать современныя ему общественно-политическія учрежденія весьма близкими къ совершенству. «Абсолютныя» претензіи Гегеля подсказывали ему консервативные выводы. И, кто мирился съ этими претензіями, тому приходилось принимать и эти выводы. Такъ дѣлалъ въ теченіе нѣкотораго времени Бѣлинскій. Но въ ученіи Гегеля была еще другая сторона—сторона діалектики. Діалектическій взглядъ на міръ, превосходно высказавшійся еще въ словахъ Гераклита Темнаго: «все течетъ, все измѣняется», исключаетъ всякій консерватизмъ и заранѣе мирится съ поступательнымъ движеніемъ общества, разумѣется, поскольку не измѣняетъ себѣ. Борьба лѣвыхъ гегельянцевъ съ правыми означала собою возстаніе людей, цѣнившихъ въ ученіи Гегеля преимущественно его діалектическую сторону, противъ людей, склонявшихся къ философскому абсолютизму. Герценъ ясно сознавалъ это. Онъ писалъ: «Подвигъ Гегеля въ томъ и состоитъ, что онъ науку воплотилъ въ методу, что стоитъ понять его методу, чтобы почти вовсе забыть его личность»³⁾. Въ статьѣ: «Буддизмъ въ наукахъ» онъ ѣдко насмѣхается надъ формалистами, которымъ «удивительно, о чемъ люди хлопочутъ, когда все объяснено, признано и человѣчество достигло абсолютной⁴⁾ формы бытія—что доказа-

¹⁾ Сочиненія, т. I, стр. 30—31. «Трехмѣсячникъ» Отто Виганда тоже былъ органомъ лѣваго крыла гегелевой школы.

²⁾ Тогдашняя передовая нѣмецкая интеллигенція,—по крайней мѣрѣ, въ лицѣ такъ назыв. истинныхъ (или философскихъ) социалистовъ,—справлялась съ «разумностью дѣйствительности» довольно своеобразно. У Гегеля слова: «все дѣйствительное разумно» дополнялись словами: «все разумное дѣйствительно». Нѣмецкіе социалисты «истиннаго» направленія говорили: такъ какъ наши стремленія разумны, то они непременно будутъ дѣйствительны, т. е. осуществятся. Такимъ образомъ, у нихъ ученіе Гегеля приводило къ примиренію не съ дѣйствительностью, а съ утопізмомъ. Впрочемъ, нѣтъ указанія на то, что Герценъ былъ знакомъ съ этимъ социализмомъ до поѣздки за границу.

³⁾ Сочиненія, т. II, стр. 159.

⁴⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

но ясно тѣмъ, что современная философія есть абсолютная философія, а наука всегда является тождественною эпохѣ, но какъ ее результатъ, т.-е. по совершении въ бытіи. Для нихъ такое доказательство неопровержимо»¹⁾. Опасаясь, что читатель усомнится въ существованіи подобныхъ «формалистовъ», онъ ссылается на забытаго теперь гегельянца Байергоффера, написавшаго «абсолютную» книгу: «Die Idee und Geschichte der Philosophie». Онъ нимало не скрываетъ своего глубокаго сочувствія сторонникамъ діалектическаго міропониманія.

По его словамъ, они вѣрнѣе Гегелю, нежели онъ самъ; они «изъ его началъ смѣло идутъ противъ его непоследовательности—съ твердымъ сознаніемъ, что идутъ за него, а не противъ него»²⁾. Самъ Гегель выходитъ въ его обрисовкѣ философомъ, понявшимъ глубоко революціонный характеръ своего діалектическаго идеализма, но убоявшимся его. У него выходитъ, что этимъ страхомъ, который испытывалъ Гегель передъ революціоннымъ характеромъ своей собственной философіи, объясняется даже тотъ общеизвѣстный фактъ, что Гегель писалъ изъ рукъ вонъ тяжело.

«Гегель, несмотря на всю мощь и величіе своего гения, былъ тоже человѣкъ; онъ испыталъ паническій страхъ просто выговориться въ эпоху, выражавшуюся ломаннымъ языкомъ, такъ какъ боялся итти до послѣдняго слѣдствія своихъ началъ; у него недостало геройства послѣдовательности, самоотверженія въ принятіи истины во всю ширину ея и чего бы она ни стоила. Величайшіе люди останавливались передъ очевиднымъ результатомъ своихъ началъ; иные, испугавшись, шли вспять и вмѣсто того, чтобы искать ясности, затемняли себя. Гегель видѣлъ, что многимъ изъ общепринятаго надобно пожертвовать; ему жаль было разить; но, съ другой стороны, онъ не могъ не высказать того, что былъ призванъ высказать»³⁾. Отсюда—невѣроятно тяжелый языкъ Гегеля.

Подобный же взглядъ на Гегеля встрѣчаемъ мы въ «Быломъ и Думамъ». Тамъ сказано: «Гегель во время своего профессората въ Берлинѣ—долею отъ старости, а вдвое отъ довольства мѣстомъ и почетомъ—намѣренно взвинтилъ свою философію надъ земнымъ уровнемъ и держался въ средѣ, гдѣ всѣ современные интересы и страсти становятся довольно безразличны, какъ зданія и села съ воздушнаго шара; онъ не любилъ зацѣпляться за эти проклятые практическіе вопросы, съ которыми трудно ладить, и на которые надобно отвѣчать положительно»⁴⁾.

Это мнѣніе о «намѣренномъ взвинчиваніи» Гегелемъ «своей фи-

лософіи надъ земнымъ уровнемъ» не выдерживаетъ критики. Его ошибочность доказана всѣмъ послѣдующимъ развитіемъ передовой мысли Запада. На самомъ дѣлѣ революціонное содержаніе гегелевой философіи не было понято во всей своей полнотѣ и во всѣхъ своихъ возможныхъ выводахъ не только самимъ Гегелемъ, но даже и лѣвыми гегельянами. Такое пониманіе встрѣчается только у Маркса и Энгельса, которые, пройдя послѣ школы Гегеля школу Фейербаха, поставили діалектику «на ноги», то-есть, превратили ее изъ идеалистической, какой она оставалась у Гегеля и у лѣвыхъ гегельянцевъ, включительно до Бруно Бауэра, въ матеріалистическую. Но, какъ бы тамъ ни было, достойно вниманія то, что Герценъ и въ этомъ случаѣ былъ очень близокъ къ лѣвымъ гегельянамъ Германіи. Въ извѣстной книгѣ Бруно Бауэра: «Die Posaune des jüngsten Gerichts über Hegel den Atheisten und Antechristen» великій нѣмецкій идеалистъ тоже изображается какъ человѣкъ, ясно сознающій тѣ революціонныя «слѣдствія», которыя вытекаютъ изъ его «началъ». Не менѣе достойно вниманія и то, что Бруно Бауэръ, изображая Гегеля крайнимъ революціонеромъ въ области мысли, самъ оставался идеалистомъ. Матеріалистъ Фейербахъ даже полемизировалъ съ нимъ вслѣдствіе этого въ своихъ «Vorläufigen Thesen zur Reform der Philosophie».

VI.

Выше я замѣтилъ, что носеніе «философскаго колпака» Гегеля было не бѣдой, а большимъ счастьемъ для Герцена, такъ какъ оно закалило его умъ. Если бы теперь возможно было какое-нибудь сомнѣніе на этотъ счетъ, то я могъ бы указать на тѣ же «Письма объ изученіи природы». Я обнаружилъ основную теоретическую ошибку ихъ автора. Ошибку эту, повидимому, съ полнымъ правомъ могутъ отнести на счетъ Гегеля: она заключалась въ томъ, что Герценъ плохо понималъ матеріалистическое ученіе объ единствѣ мышленія и бытія. Но дѣло тутъ было, собственно, въ идеализмѣ, а не въ томъ особенномъ видѣ, который былъ приданъ идеализму Гегелемъ. И, когда я говорю, что вліяніе Гегеля закалило умъ Герцена, то я имѣю въ виду не идеалистическую, а діалектическую сторону его философіи. Насколько благоприятно было вліяніе на Герцена этой стороны, легко пойметъ всякій, кто доставитъ себѣ удовольствіе перечитать «Письма объ изученіи природы». Письма эти, несмотря на указанную выше слабую ихъ сторону, должны быть признаны очень большой теоретической и литературной заслугой Герцена. Подумайте только! Нашъ авторъ стремился въ нихъ проложить путь для сближенія философіи съ естествознаніемъ въ то самое время, когда, напримѣръ, Ю. Э. Самаринъ хлопоталъ, подобно тому, какъ хлопотеть теперь, скажемъ, г. Базаровъ, о соединеніи философіи

¹⁾ Сочиненія, т. I, стр. 373.

²⁾ Сочиненія, т. II, стр. 159.

³⁾ Сочиненія, т. I, стр. 349—350.

⁴⁾ Сочиненія, т. VII, стр. 124—125.

съ религіей ¹⁾. Весьма понятно, что для сближенія философіи Гегеля съ религіей нужно было сосредоточивать свое вниманіе, главнымъ образомъ, на «абсолютной» сторонѣ гегелизма, и не менѣе понятно, что для сближенія философіи съ естествознаніемъ нужно было опираться преимущественно на діалектику. Въ «Письмахъ объ изученіи природы» есть истиннѣ блестящія страницы, излагающія діалектической взглядъ на міровой процессъ. Я не имѣю никакой возможности воспроизвести здѣсь эти страницы: ихъ слишкомъ много; но я не могу устоять передъ искушеніемъ выписать изъ нихъ нѣкоторые наиболѣе характерные отрывки.

«Бытіе,—говоритъ Герценъ, сочувственно излагая Гераклита,—живо движеніемъ; съ одной стороны, жизнь есть не что иное какъ движеніе непрерывное, не останавливающееся, дѣятельная борьба и, если хотите, дѣятельное примиреніе бытія съ небытіемъ, и, чѣмъ упорнѣе, злѣе эта борьба, тѣмъ ближе они другъ къ другу, тѣмъ выше жизнь, развиваемая ими; борьба эта вѣчно у конца и вѣчно у начала,—непрерывное взаимодействіе, изъ котораго они выйти не могутъ» ²⁾.

Не подумайте, что Герценъ ограничивается повтореніемъ и нѣкоторымъ расширеніемъ общей мысли «темнаго» эфесскаго философа о томъ, что «все течетъ, все измѣняется». Нѣтъ, онъ умѣетъ пользоваться этой общей мыслью, примѣнять ее къ отдѣльнымъ явленіямъ природы. Вотъ его замѣчаніе объ организмѣ.

«Животный организмъ представляетъ постоянную борьбу съ смертью, которая всякій разъ восторжествуетъ; но торжество это опять въ пользу опредѣленнаго бытія, а не небытія. Многоначальная ткани, изъ которыхъ составлено живое тѣло, безпрестанно разлагаются на двуначальныя (т.-е. на неорудныя, минеральныя) и безпрестанно вновь образуются; голодъ возобновляетъ требованія свои, потому что непрерывно утрачивается матеріалъ; дыханіе поддерживаетъ жизнь и сожигаетъ организмъ; организмъ непрерывно вырабатываетъ сожигаемое. Не кормите животного—у него кровь и мозгъ сгорятъ... Чѣмъ болѣе развита жизнь, чѣмъ въ высшую сферу перешла она, тѣмъ отчаяннѣе борьба бытія и небытія, тѣмъ ближе они другъ къ другу» ³⁾.

А вотъ еще. «Большинство нашего времени (я разумѣю сознающихъ себя грамотеями) такъ отвыкло или такъ не привыкло къ опредѣленіямъ мысли, что оно, только безсознательно употребляя ихъ, не возмущается. Намъ не удивляетъ, напримѣръ, что человѣкъ

¹⁾ Проповѣдую сближеніе естествознанія съ философіей, Герценъ иногда говорилъ почти буквально то самое, что Фейербахъ (см., напримѣръ, что сказано объ этомъ предметѣ у Фейербаха въ его „Vorläufigen Thesen zur Reform der Philosophie“. Сочин., т. II, стр. 244). Однако, и этой мысли Герценъ придаетъ въ общемъ, идеалистическій оттѣнокъ, а у Фейербаха она материалистична.

²⁾ Сочиненія, т. II, стр. 114.

³⁾ Тамъ же, стр. 114—115.

въ физиологическомъ отношеніи недѣлимое, цѣлостъ, атомъ, а въ анатомическомъ—многочисленная куча самыхъ разнообразныхъ частей; что тѣло наше—вмѣстѣ и наше я и наше другое; никого не удивляетъ процессъ возникновенія, непрерывно совершающійся около насъ, эта глухая борьба бытія съ небытіемъ, безъ которой было бы одно безразличіе; никого не удивляетъ эта вѣчность мимолетнаго, которою мы окружены. Назовите то, что добрые люди видятъ и чувствуютъ ежедневно, словами,—они не поймутъ васъ и никогда не узнаютъ въ вашихъ словахъ близкихъ знакомыхъ» ¹⁾.

Послѣдній отрывокъ. «Практически мы именно гераклитовски (т.-е. діалектически. Г. II.) смотримъ на вещи; только во всеобщей сферѣ мышленія не можемъ понять того, что дѣлаемъ. Не споконъ ли вѣка сознавали люди, что не мертвая косность сущаго предмета, не его тождество съ собою—полная истина его? Во всемъ живомъ, напр., развѣ мы видимъ что-нибудь, кромѣ процесса вѣчнаго преображенія, живущаго, повидимому, въ одной перемѣнѣ? Кости—самое твердое бытіе организма, а мы ихъ даже живыми не считаемъ» ²⁾.

Подъ впечатлѣніемъ всѣхъ этихъ отрывковъ легко можно подуматъ, что они написаны не въ началѣ 40-хъ гг., а во второй половинѣ 70-хъ, и притомъ не Герценомъ, а Энгельсомъ ³⁾. До такой степени мысли перваго похожи на мысли втораго. А это поразительное сходство показываетъ, что умъ Герцена работалъ въ томъ самомъ направленіи, въ какомъ работалъ умъ Энгельса, а стало быть, и Маркса. Не даромъ Герценъ проходилъ ту же школу Гегеля, черезъ которую прошли почти одновременно съ нимъ основатели научнаго социализма. Разница лишь въ томъ,—и это, конечно, весьма существенная разница,—что діалектика Герцена оставалась идеалистической, а діалектика Энгельса - Маркса была уже материалистической. Что я не несправедливъ къ Герцену, это, кажется, ясно послѣ всего сказаннаго выше. Однако, на всякій случай, вотъ еще одно весьма убѣдительное доказательство.

Изложивъ съ величайшимъ сочувствіемъ діалектической взглядъ Гераклита на вселенную, нашъ авторъ считаетъ себя обязаннымъ указать слабую сторону этого взгляда. «Мало того, что онъ (Гераклитъ. Г. II.) понялъ природу процессомъ: онъ понялъ ее самодѣятельнымъ процессомъ. Однако, изъ этого движенія ничего не исторгается, нѣтъ единства, которое ставилось бы временнымъ круженіемъ

¹⁾ Сочиненія, т. II, стр. 137.

²⁾ Тамъ же, стр. 117. Въ январѣ 1845 г. Герценъ съ увлеченіемъ читаетъ исторію химіи Дюма и дѣлаетъ по ея поводу слѣдующее интересное замѣчаніе: „Безъ химіи нѣтъ физиологіи, нѣтъ, слѣдовательно, и естественныхъ наукъ. Естественныя науки доселѣ имѣли чрезвычайно шаткую основу потому, что онѣ занимались одной морфологіей, а не тѣмъ, что измѣняется въ ней“ (Сочиненія, т. I, стр. 264).

³⁾ См. полемику Энгельса съ Дюрингомъ, вышедшую по-русски подъ названіемъ „Философія, Политическая экономія. Соціализмъ (Анти-Дюрингъ)“, стр. 19 и слѣд.

и обличалось бы результатомъ его и его началомъ. Начало движенія у Гераклита—роковая, тягостная необходимость, выдерживающая себя въ многообразіи, неизвѣстно для чего вытѣсняющая себя какъ неотразимая сила, какъ событіе, но не какъ свободная, сознательная цѣль. Цѣли движенію вообще Гераклитъ не далъ; его движеніе конкретнѣе элеатическаго бытія, но оно абстрактно; оно громко требуетъ цѣли, постоянного» ¹⁾).

Это критическое замѣчаніе написано подъ вліяніемъ Гегеля, какъ можно убѣдиться, прочитавъ страницу, посвященную критикѣ Гераклита въ гегелевыхъ «Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie». Но тотъ фактъ, что Герценъ былъ въ этомъ случаѣ согласенъ съ Гегелемъ, обнаруживаетъ идеалистическій характеръ его взгляда на діалектику: только идеалистъ можетъ говорить о «цѣли» вѣчнаго мірового движенія.

Вопреки своему идеалистическому характеру, діалектическая философія Гегеля благотворно повліяла на Герцена также и въ томъ отношеніи, что онъ считалъ необходимымъ «освободить» естествознание отъ «абстрактныхъ силъ». Естествознание, дѣйствительно, освободилось отъ нихъ въ послѣдствіи, когда возникло и распространилось ученіе о превращеніи энергіи ²⁾.

Энгельсовъ «Анти-Дюрингъ» еще и тѣмъ напоминаетъ «Письма объ изученіи природы», что настойчиво твердитъ естествоиспытателямъ, какъ полезно было бы для нихъ діалектически взглянуть на природу. «Къ сожалѣнію,—замѣчаетъ Энгельсъ,—до сихъ поръ можно по пальцамъ пересчитать естествоиспытателей, мыслящихъ діалектически; вслѣдствіе этого происходятъ постоянныя противорѣчія между данными опыта и принятымъ методомъ мышленія, которыми и объясняется безграничная путаница, господствующая въ настоящее время въ теоретическомъ естествознаніи и приводящая въ отчаяніе какъ учителей, такъ и учениковъ, какъ писателей, такъ и читателей» ³⁾.

Энгельсъ повторяетъ здѣсь,—разумѣется, нимало не подозревая

¹⁾ Сочиненія, т. II, стр. 118—119.

²⁾ Герценъ говоритъ: «Безъ всякаго сомнѣнія, математика ушла несравненно дальше въ мышленіи противъ физики; одна теорія бесконечно-малыхъ доказываетъ это». (Сочиненія, т. II, стр. 56). Въ другомъ мѣстѣ онъ подробнѣе развиваетъ этотъ взглядъ. Онъ хвалитъ математику за то, что она разсталась съ разсудочнымъ то или другое. Что такое дифференціалъ? Безконечно-малая величина; стало быть, или онъ имѣетъ величину, и въ такомъ случаѣ это величина конечная, или не имѣетъ никакой величины: въ такомъ случаѣ онъ нуль. Но Лейбницъ и Ньютонъ постигли шире и приняли существованіе бытія и небытія, начальное движеніе возникновенія, переливъ отъ ничего къ чему-нибудь. Результаты теоріи бесконечно-малыхъ извѣстны. Далѣе, математика не испугалась ни отрицательныхъ величинъ, ни несоизмѣримости, ни бесконечно-великаго, ни мнимыхъ корней. А разумѣется, все это падаетъ въ прахъ передъ узенькимъ разсудочнымъ „то или другое“. (Сочиненія, т. I, стр. 294—5, примѣч.). Это чисто діалектическій, заимствованный, къ тому же, у Гегеля, взглядъ на математику.

³⁾ „Философія, полит. экон., социализмъ“. Изд. г. Яковенко, стр. 16.

этого, — жалобы, съ которыми мы встрѣчаемся чуть не на каждой страницѣ «Писемъ объ изученіи природы».

Гг. натуралисты до сихъ поръ не являютъ большой склонности къ усвоенію діалектическаго взгляда на природу, хотя химическія открытія послѣднихъ лѣтъ лишній разъ показали, что, какъ говорилъ Энгельсъ, въ природѣ все происходитъ діалектически. Въ этомъ надо винить нынѣшній идеализмъ, вліянію котораго подвергаются, между прочимъ, и естествоиспытатели, и который, въ противоположность съ идеализмомъ Гегеля, совершенно не умѣетъ обращаться съ оружіемъ діалектики.

Герценъ упрекалъ естествоиспытателей еще въ томъ, что они «никакъ не хотятъ разобрать отношеніе знанія къ предмету, мышленія къ бытію». Естествоиспытатели, по его словамъ, «до того боятся систематики ученія, что даже матеріализма не хотятъ, какъ ученія; имъ бы хотѣлось относиться къ своему предмету совершенно эмпирически, страдательно, наблюдая его; само собой разумѣется, что для мыслящаго существа это такъ же невозможно, какъ организму принимать пищу, не претворяя ея» ¹⁾. Это, какъ говорится, не въ бровь, а въ глазъ. Естествоиспытатели до сихъ поръ не хотятъ дать себѣ трудъ разобрать отношеніе бытія къ мышленію. Поэтому философствующіе естествоиспытатели обнаруживаютъ обыкновенно дѣтскую безпомощность всякій разъ, когда заговариваютъ объ этомъ важномъ предметѣ. Для примѣра можно указать на Оствальда, ученіе котораго объ энергіи опирается на чисто идеалистическую гносеологію; на Маха, который воскрешаетъ Берклея, и даже на Геккеля, который иногда вдругъ ни съ того ни съ сего обрушивается на матеріализмъ, составляющій единственно-истинное содержаніе его монистической теоріи. И всѣ эти естествоиспытатели, невольно грѣшащіе идеализмомъ, наивно убѣждены въ томъ, что ихъ взгляды, какъ небо отъ земли, далеки отъ него. Оно и понятно: когда ученый игнорируетъ какой-нибудь важный вопросъ теоріи, то онъ поневолѣ и безъ собственнаго вѣдома усваиваетъ устарѣлое, несостоятельное рѣшеніе этого вопроса. Но что касается Герцена, то онъ самъ неправильно рѣшалъ антиномію мышленія и бытія, слѣдуя Гегелю. Поэтому упрекъ, посылаемый имъ естествоиспытателямъ, совершенно правильный по своему существу, принималъ у него смыслъ обвиненія ихъ въ томъ, что они предпочитаютъ крайній эмпиризмъ абсолютному идеализму. Формулированное такимъ образомъ обвиненіе это представляется, какъ видимъ, не очень страшнымъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Г. Плехановъ.

¹⁾ Сочиненія, т. II, стр. 40.

П9254